

комнаты и без чувств упал на кровать. Умиравшая тут же позвала мужа И, сделав все последние распоряжения, наказала ему заботиться о сеньоре д'Аванне как о человеке, который, после него, был ею любим больше всего на свете. И, поцеловав мужа, она с ним простилась. И она приняла святое причастие с превеликой радостью, которая бывает только у тех, кто уверен, что спасет свою душу. И, почувствовав, что глаза ее заволакивает туманом и силы ее слабеют, она попросила читать *In manus*.³³⁷ Услыхав этот псалом, сеньор д'Аванн вскочил с постели и, преисполненный великой жалости, увидел, как она вздохнула в последний раз и спокойно отдала свою праведную душу Создателю. И когда он убедился, что она умерла, он кинулся к той, к кому при жизни боялся подойти слишком близко, и принялся обнимать и целовать бездыханное тело с такой страстью, что муж ее крайне изумился, ибо он никогда не думал, что его названный сын питал к его жене такую любовь. И в конце концов он сказал ему: «Монсеньор, вы забылись!» – после чего оба вышли из комнаты. И, проплакав долгое время, сеньор д'Аванн поведал своему названному отцу всю историю своей любви и рассказал, как до самого последнего часа его покойная жена ничем не проявила своего чувства и была с ним всегда холодна. Несчастный вдовец был тронут этим рассказом и еще больше оплакивал свою утрату. И до самой своей смерти он старался чем-либо услужить сеньору д'Аванну. А молодой сеньор, которому было еще всего-навсего восемнадцать лет, отправился ко двору короля и остался там на долгие годы. И все эти годы он чуждался женщин и не хотел даже говорить ни с одной, безутешно скорбя о своей любимой. И более десяти лет он носил только черное платье.

– Вот, благородные дамы, насколько непохожи друг на друга женщины легкомысленные и женщины добродетельные и как по-разному они любят, – одна умерла в почете и уважении, а другая прожила жизнь долгую, но жила в бесчестии и в позоре, ибо смерть праведника всегда бывает славна перед господом, смерть же грешника мерзостна.

– Послушайте, Сафредан, вы рассказали нам замечательную историю, – сказала Уазиль, – а для тех, кто знал этого сеньора, как, например, я, она конечно еще интереснее. Мне не приходилось видеть другого такого красавца и такого обходительного и приятного человека, как сеньор д'Аванн.

– Подумать только, – сказал Сафредан, – что такая достойная женщина, для того чтобы показать всем, что в поступках своих она добродетельнее, нежели в мыслях, и чтобы скрыть свою любовь, которую самой природой ей было положено отдать столь благородному сеньору, предпочла лучше умереть, чем вкусить наслаждение, которого она в глубине души сама хотела!

– Если бы у нее действительно было такое желание, – возразила Парламента, – она не раз имела возможность ему это высказать, но она была столь добродетельна, что рассудительность в ней всегда одерживала верх над страстью.

– Можете жалеть ее как хотите, – сказал Иркиан, – но я хорошо знаю, что дьявол, который сильнее, всегда побеждает слабого и что тщеславие в женщинах гораздо более распространено, чем страх или любовь к богу. Так же вот и платья у них столь длинны и так искусно скрывают их формы, что невозможно узнать, что таится под ними. Ведь если бы здесь не была замешана честь, вы нашли бы, что природа, равно как и нас, ничем их не обделила. И только из-за того, что они не дают воли своим желаниям, в них на месте одного порока гнездится другой, еще больший, но который они считают едва ли не добродетелью. Этой гордыней своей и жестокостью они рассчитывают приобрести бессмертие, возвеличивая себя тем, что противятся пороку, который свойствен самой их природе (а может ли быть природа порочна?), и тем самым становятся похожими не только на диких зверей, свирепых и кровожадных, но, что еще хуже, – на дьяволов, перенимая от них и гордость и коварство.

– Приходится лишь пожалеть, – сказала Номерфида, – что вам досталась хорошая жена. Вы этого не стоите, вы не только не цените все хорошее, но хотите еще доказать, что оно порочно.

– Я искренне радуюсь тому, – возразил Иркиан, – что жена моя не любит скандалов, как не люблю их и я, но что касается целомудрия, то все мы дети Адама и Евы. Поэтому, глядя друг на друга, нам лучше не прикрывать наготу нашу фиговым листком, а, созерцая ее, признаваться в своей слабости.

³³⁷ В руки твои (господи, предаю душу свою) (лат.) – слова из Псалтири (XXXIX, 6).